

И Джинни, и Котоне на пару расположились на наколдованных кроватях в кабинете мадам Помфри. Обеспокоенная безопасностью Котоне, та настояла на том, чтобы маленькая ведьма находилась отдельно от других пациентов, лежащих в Больничном крыле, помня, как они отреагировали на нее накануне.

Состояние Молли Уизли было трудно описать словами... Ее то обуревал восторг от того, что блудный сын вновь оказался в ее объятиях; то временами охватывал леденящий ужас, который она испытывала по поводу состояния Джинни. Она переживала, что «уродливому маленькому демону» позволили так близко подойти к ее единственной дочери... Даже после того, как мадам Помфри объяснила, что слово «демон» не совсем точно описывает сущность Котоне, по гневным насмешкам, которые Молли иногда бросала в сторону маленькой девочки, находящейся без сознания, было понятно, что она ей совсем не доверяла. Гарри нахмурился при мысли о том, что Молли, похоже, нисколько не оценила того, что Котоне сделала для Джинни.

Гарри был удивлен и даже немного встревожен, когда мадам Помфри назвала маленькую Котоне «полудемоном». Он всегда представлял демонов в виде огромных красных монстров с закрученными рогами, крыльями, похожими на крылья летучей мыши, и звероподобными лицами. Мадам Помфри рассказала им, что отец маленькой девочки был «Они». Жители Запада называли бы их разновидностью воинов-фейри. Он перестал беспокоиться, когда она рассказала о том, что «Они» исторически были охотниками на злых волшебников и темных существ, а сами были вполне дружелюбными, хотя и немного озорными.

До этого момента Гарри совершенно не знал, кем являлась Котоне... Он никогда ни у кого не спрашивал о ее происхождении. То, что она полукровка, для него совершенно не имело значения, он просто чувствовал, что должен ей помочь, и неважно, кем она была и как выглядела. С того момента, как они встретились, он почувствовал особую связь с маленькой девочкой, еще до того, как понял, как она на самом деле выглядит под капюшоном и без поднятого воротника.

Настоящим сюрпризом стало то, что мадам Помфри объяснила, что она имела в виду, когда назвала Котоне «Симпатом Алгеи». Оказывается, в греческой мифологии Алгеи были духами, а если точнее, «демонами» боли, физических и душевных страданий. Они были причиной всех бед, печали, источником слез. Термин «Симпат Алгеи» в волшебном мире — это описание редкого магического дара, которым обычно обладали ведьмы, а не волшебники, еще реже метаморфомы. Симпаты Алгеи обладали способностью «поглощать» боль, а иногда даже заживлять физические травмы и раны, нанесенные другим человеком. Она объяснила, что, поскольку в Котоне течет кровь «Они», она восстанавливалась намного быстрее, чем обычный человек, и, скорее всего, была даже способна к физической регенерации. Возможно, ей было по силам заново отрастить потерянную конечность или даже воскреснуть после смерти. Конечно, в этом невозможно было убедиться, не попробовав, что Гарри считал совершенно недопустимым.

Когда Рон рассказал своей семье, что же натворила Джинни, Артур попытался успокоить Молли, хотя и без особого успеха. Она отказывалась верить, что ее дочь сознательно использовала Темную магию, зелья, ритуалы — и все для того, чтобы завоевать чью-то любовь... Она не так воспитывала своих детей... Пока Рон продолжал объяснять, что он нашел в комнате Джинни, как они извлекли книгу, откуда взялась печально известная страница и что,

скорее всего, Джинни совершенно не понимала истинного назначения эликсира, Молли просто стояла, закрыв лицо руками, и непрерывно бормотала: «Нет, нет, нет....»

Близнецы стояли сзади, бросая убийственные взгляды на Перси, который благоразумно просто тихо стоял на заднем плане.

Гарри тоже молчал, сидя на краю кровати Котоне. Он совершенно не обращал внимания на взволнованные рыдания и вздохи миссис Уизли. Гарри с тревогой смотрел в лицо маленькой ведьмы, нежно гладил ее по голове; ее обычно шевелящиеся волосы теперь были сильно растрепаны и неподвижно лежали на забрызганной кровью подушке.

После того, как Рон закончил свой рассказ, Гермиона стала объяснять, что она почерпнула из арифмантической формулы эликсира.

Неожиданно в дверном проеме раздался громкий удивленный вздох. Все находящиеся в комнате обернулись и увидели Полумну Лавгуд, которая сама себе зажала рот рукой. Мгновение спустя она бросилась через всю комнату и крепко обняла явно смущенного Рона, плача и повторяя, что она-то думала, что это Рон практиковал некромантию...

Гарри раздражало, что в комнате становилось все больше и больше плачущих ведьм. Он специально на смотрел на рыдающих женщин и на Артура Уизли, который тихонько шептался с мадам Помфри. Гарри не мог уловить все, о чем они говорили, но, похоже, они обсуждали варианты лечения Джинни. Узнав от Рона все детали о зелье, Мадам Помфри была уверена, что не сможет вылечить Джинни, и сомневалась, что она вообще может остаться в больнице Святого Мунго, ведь они до сих пор отказывали пациентам, которые находились в гораздо более тяжелом состоянии, чем Джинни.

Мадам Помфри заявила, что лучшее, что сейчас можно сделать — это отвести Джинни к целителю, который специализируется на темных ритуалах. Лучше всего было бы связаться с одной из сект друидов, хотя услуги друидов, конечно, были страшно дорогими... Когда Артур смущенно спросил ее, во сколько это может обойтись, она ответила, что не может точно сказать.... Но она слышала о нескольких сложных случаях, за которые пришлось заплатить более десяти тысяч галлеонов; в зависимости от необходимого лечения стоимость могла быть и еще больше... Из-за того, что ритуальная магия обычно требовала довольно долгого лечения... Иногда на это уходили месяцы или даже годы...

Казалось, что все услышали конец их разговора. Гарри заметил, как все остальные члены семьи Уизли повернулись к близнецам. Фред и Джордж мельком взглянули на Гарри, прежде чем сказать своей семье:

— Мы не можем так быстро найти такую большую сумму... Все деньги... Ну... Вложены в развитие бизнеса...

Гарри внезапно почувствовал, как взгляды всех находящихся в комнате теперь устремились на него. Раздражение, которое он чувствовал всего секунду назад, превратилось в болезненное

смущение, когда он перевел взгляд с семьи Уизли на маленькую ведьму, лежащую на кровати рядом с ним.

Рон обменялся взглядом с близнецами, а потом повернулся к отцу и сказал:

— Гарри не может нам помочь, так что даже не просите его...

Новый поток слез потек по щекам Молли, когда она робко посмотрела на юного волшебника, сидящего на кровати Котоне:

— Гарри, я уверена, что мы сможем вернуть тебе долг... Конечно, если бы ты смог нам помочь... Сделать это для нее... Даже если она больше не твоя девушка, ты ведь все равно еще испытываешь к ней какие-то чувства?

Гарри не поднимал глаз, и тогда Рон быстро заговорил за него:

— Мам, дело не в том, что он не хочет нам помочь, он не может... Гарри разорен. Его маггловские родственники украли все его наследство. Ему пришлось одолжить денег у Гермионы, чтобы заплатить за обучение в Хогвартсе в этом году...

Лицо Молли исказила гримаса боли, и она испустила жалобный крик, уткнувшись лицом в грудь мужа:

— Артур, что же мы будем делать?

Гарри наблюдал, как Артур с посеревшим лицом тихонько похлопал жену по спине и попытался хоть как-то ее утешить. Гарри почувствовал, как в нем вновь закипает ярость; как его родственники могли так поступить? Это был тот самый случай — использовать деньги, которые он унаследовал от Сириуса, на благое дело. Ведь они ему скоро уже не понадобятся... Теперь это стало невозможно из-за жадности его дяди.

Вздохнув, Гарри оторвал взгляд от лица Котоне и обратился к Артуру:

— Может, я все-таки смогу кое-что сделать, но это займет немного времени... Я владею домом на Привет Драйв и собирался продать его, чтобы заплатить за мой последний год обучения в Хогвартсе; но поскольку Гермиона заплатила за нас обоих, я не могу себе представить лучшего варианта, куда еще можно потратить эти деньги. Я не буду скучать по этому месту, и мне уже не нужны эти деньги. Я просто сделаю то, что должен. Завтра я свяжусь с маггловским агентом по недвижимости и попрошу его подготовить дом для скорейшей продажи.

Рон задумчиво нахмурился, прежде чем до него дошел смысл слов Гарри. На его лице промелькнуло выражение сильного гнева, но он промолчал. В то же время на лице Фреда отразилось понимание, когда он вспомнил про оплошность Рона в столовой больницы Святого

Мунго, и его лицо приняло такое же выражение... Даже обычно ничего не выражающая физиономия Полумны вдруг исказилась, и у Гарри создалось впечатление, что она точно поняла, что он имел в виду, когда сказал, что ему не нужны деньги.

Молли открыла рот в знак протеста, но Гарри быстро прервал ее и продолжил:

— Даже не думайте отказываться! Да, я зол на Джинни за то, что она сделала со мной и Гермионой, но я понимаю, почему она это сделала. Вы ведь теперь единственные, кого я могу считать моей семьей. Поэтому я хочу помочь тем, кого я люблю, раз я в силах это сделать. Пожалуйста, позвольте мне это.

Не говоря ни слова, Гарри вышел из кабинета мадам Помфри, прошел через лазарет и вышел за дверь; Рон сразу же последовал за ним.

Рон догнал Гарри, повернулся к нему, схватил его за рубашку и прижал к стене. Он сказал ему так тихо, чтобы никто больше не мог услышать:

— Слушай меня, Поттер, и запоминай... В твоём крошечном мозгу вертится мысль, что тебе не выжить, когда придет время столкнуться с В-в-вол... Волд... Ч-черт!... ВОЛДЕМОРТОМ! Я смог это сказать! В любом случае, тебе лучше выбросить эту мысль из головы, ты должен надрать этому ублюдку задницу и жить дальше, а потом рассказывать об этом своим детям! Ты нужен Гермионе! Я видел, через что она прошла за последний месяц. Она не сможет без тебя, если ты погибнешь! Это сломает ее, и я не могу этого допустить.

Рон ослабил хватку на рубашке Гарри и похлопал его по плечу. Его голос звучал глухо, но он все-таки продолжил:

— И мне ты тоже нужен. Если не дай бог... Это как лишиться Билла или Чарли, или близнецов, или... Это убьет меня. Я знаю, что я далеко не самый могущественный волшебник, но я буду сражаться за тебя так же отчаянно, как за маму, за отца... за любого члена нашей семьи. Я тоже считаю тебя своей семьей. Помни это и помни, что и Гермиона, и я попали в Гриффиндор не случайно... Мы твоя опора, и мы всегда будем рядом, когда дела будут идти неважно. И когда придет время встретиться с ублюдком, мы обязательно будем стоять у тебя за спиной. Я уже говорил тебе это, но, по-моему, до тебя не дошло... Мы с тобой навсегда!

Гарри выслушал Рона и понял, о чем тот говорил. Но Рон еще не знал о том, что сказал Гарри профессор Снейп. В самом Гарри могла быть частичка души Волдеморта... Возможно, он сам являлся хоркрусом, который нужно уничтожить, прежде чем мир окончательно избавится от маниакального Темного Лорда... Может быть, у него вообще нет шансов выжить...

Гарри собирался сказать это Рону, но из лазарета вышли Полумна, Фред и Джордж. Рон оттолкнул Гарри от себя и сказал ему перед тем, как уйти с Полумной:

— Отдохни, дружище, мы поговорим об этом утром.

Джордж смотрел на Рона и Полумну с веселой улыбкой, а внимание Фреда было сосредоточено на Гарри. Некоторое время тот смотрел на Гарри с серьезным выражением лица, затем покачал головой и выпалил:

— Это правда, не так ли? Ты действительно тот «Избранный», о котором говорится в «Ежедневном пророке»?!

Джордж резко обернулся в сторону своего брата-близнеца, он выглядел потрясенным. Гарри опешил, но он отчаянно старался держать себя в руках и спокойно ответил:

— Что? Теперь ты веришь всей той ерунде, которая печатается в этой жалкой газетенке?

Фред понимающе, но мрачно улыбнулся и ответил:

— Вовсе нет, братишка. Я собрал в кучу все факты и пришел к такому выводу... Я знаю, что ты не хочешь умирать, но то, что ты сказал о том, что тебе не нужны деньги.... Это меня вконец убедило... Ты единственный, кто может победить Дебильного Лорда(1), и ты решил, что у тебя нет шансов выйти из этой схватки победителем...

Даже несмотря на всю серьезность его слов, Гарри не мог не фыркнуть от смеха:

— Дебильный Лорд? Ваша мать была права... Вы когда-нибудь напроситесь на Смертельное проклятие со своими «Тот-что-не-какашка» (2) и прочими. А теперь еще и «Дебильный Лорд».

Фред ухмыльнулся и сказал:

— Ну, учитывая, сколько раз он пытался и не смог отправить тебя пет в «Невидимый Хор»(3), его трудно назвать сообразительным(4). Но не пытайся сменить тему. Я в курсе, что ты узнал Пророчество...

Глаза Гарри и Джорджа расширились, когда они услышали то, что сказал Фред. Гарри открыл было рот, чтобы возразить, но Фред поднял руки перед собой и остановил его:

— Я сказал тебе, что я все понял. Я не спрашиваю тебя, о чем гласит Пророчество, если ты, конечно, сам не захочешь нам рассказать. И я не собираюсь вам объяснять, как я догадался.

Голос Фреда стал серьезным:

— Наша семья тебе многим обязана... Не только тем, что ты сделал для меня и моего брата — отдал нам свой выигрыш после Турнира Трех Волшебников. Рон обязан тебе жизнью за то, что ты спас его от яда в прошлом году. Наш отец обязан тебе жизнью, потому что ты тогда, год назад, вовремя вызвал для него помощь. А еще ты спас Джинни. Ее увлечение тобой

овернулось для нее большими неприятностями, и тебе снова пришлось с ней возиться. И мы узнаем, что одержимость нашей милой младшей сестренки заставила ее пойти на такой отчаянный шаг, но ты все еще готов отдать свои деньги на ее лечение... Семья Уизли перед тобой в неоплатном долгу, а ты по-прежнему готов отказаться от всего, что у тебя есть, чтобы спасти одну из нас... Девчонку, натворившую дел из-за собственной глупости... Если бы я знал, что ты согласишься, мы бы отдали тебе наш магазин и переименовали его в «Престижные проказы Поттера» или что-то в этом роде. Мерлин знает, что бы с нами всеми сейчас было, если бы не ты.

Фред взглянул на брата, который наблюдал за происходящим с открытым ртом. Джордж пришел в себя, затем быстро кивнул, давая понять Фреду, что совершенно согласен с ним:

— Теперь я понял, что нужно делать... Я знаю, что ты готов пожертвовать своей жизнью не только ради семьи Уизли, но и ради всего волшебного мира. Мы хотим тебе помочь. Мы предлагаем наши услуги по проектированию и созданию для тебя всего что угодно, неважно, законно это или нет; лишь бы ты выбрался из этой передрыги живым. На данный момент мы остановили разработку новых проектов. Что бы тебе ни понадобилось, дай нам знать, и через день-другой мы сообщим тебе, что можно сделать.

Пока Фред говорил, Гарри стоял молча. Когда близнецы увидели, что лицо Гарри нахмурилось, они решили, что он вот-вот взорвется, но он неожиданно выдохнул и смахнул маленькую слезинку, сказав:

— Вот это я понимаю — семья. Ребята, чем больше я вас узнаю, тем больше я злюсь на эту жизнь, ведь я столько времени потратил впустую под одной крышей с Дурслями...

Гарри глубоко вздохнул и начал ходить по коридору взад-вперед. Наконец он сказал:

— Я бы хотел, чтобы вы кое-что для меня сделали... Сможете узнать о защите, которую устанавливают владельцы магазинчиков в Косом переулке? Будет вообще шикарно, если вы что-нибудь узнаете конкретно о магазине Олливандера. Я не могу сказать вам, зачем мне эта информация, но вы же предложили мне свою помощь, чтобы я смог выжить? Это сейчас бы мне очень помогло... — Гарри на мгновение задумался, а затем добавил: — Я бы также хотел, чтобы вы доработали свое «подглядывающее устройство». Как вы считаете, можно ли разработать что-то подобное, только чтобы у него вместо глаза была рука? Ну, чтобы оно могло самостоятельно захватывать вещи? Я думал, что это будет модификация тех отвлекающих устройств, которые вы показали мне в своем магазине — ну тех, которые ты роняешь, и они разбегаются и издают шум...

Джордж ухмыльнулся и взволнованно произнес:

— Гениально! Мы будем продавать их как удаленные управляемые щипцы!

Фред бросил свирепый взгляд на своего брата-близнеца, и улыбка пропала с лица Джорджа:

— Мы займемся этим и дадим тебе знать через несколько дней.

Гарри улыбнулся и сказал:

— Спасибо, ребята, и если вы будете разговаривать с Биллом, дайте ему знать, что я бы хотел с ним поговорить. В зависимости от того, что вы узнаете о защите этого магазина, может понадобиться его опыт в части разрушении защитных заклинаний.

— Предоставь это нам, — выпалили в унисон близнецы. — А теперь иди и отдохни, ты выглядишь измученным.

Гарри молча кивнул и пошел по темным пустым коридорам обратно в свои апартаменты. Когда он открыл дверь и вошел внутрь, он тяжело и тревожно вздохнул. Он оглядел пустую комнату и почувствовал глубокое одиночество; его мысли опять вернулись к Гермионе. Он так долго жил с неким приятным чувством, которое он никогда не мог идентифицировать, пока оно не исчезло. Это было чувство внутреннего покоя, которое он испытывал, искренне любя кого-то и будучи любимым в ответ. Даже когда он и не осознавал их общую связь, было радостно чувствовать, что он вообще способен на такие эмоции. Теперь ему казалось, что в его душе появилась пустота, и он совершенно не знал, как ее заполнить.

Гарри забрался в кровать и тихонько положил голову на подушку. Он выглянул в окно и увидел тонкий полумесяц, нависший над Запретным лесом. Он был уверен, что когда, в конце концов, погрузится в сон, то не следует ждать радужных картин.

И действительно, прошло несколько часов, и Гарри обнаружил, что он снова видит все тот же сон. Он был в том же коридоре на площади Гриммаулд-Плейс, стоял перед той же дверью, глядя на теперь уже очень знакомую раскладушку с обнаженной Гермионой на ней.

Из-за раскрытой двери он мог видеть, как Гермиона смотрит ему в глаза, как ее губы шевелятся, но не издают ни звука. Однако на этот раз он не испытал чувства, что его ноги связаны.

Он шагнул в комнату и сразу же услышал ее голос, но он оказался слабым и приглушенным:

— Гарри! Пожалуйста! Ты мне нужен! Ради Мерлина, пожалуйста, проснись! Гарри!

— Пожалуйста, проснись? — Но он не спал! Разве она не видела его стоящим прямо перед ней? Конечно, она видела его, ведь она смотрела ему прямо в глаза!

— Гарри! Ты вообще там слышишь меня? Пожалуйста, проснись!

Он приоткрыл глаза и сердито вздохнул. Ему казалось, что даже в его снах специально что-то творилось, лишь бы помешать ему выспаться... Затем он услышал отчаянный голос Гермионы

из своей гостиной:

— Ну же, Гарри! Пожалуйста! Проснись!

Гарри вскочил с кровати и схватил очки. Он взглянул на волшебные часы, стоящие у его кровати, и заметил, что было чуть больше трех часов ночи. Он тряхнул головой, выбежал из спальни, опустился на колени перед камином и раздраженно спросил:

— Гермиона, что за...

— Гарри! Слава Великому Мерлину! — прервала его Гермиона. — Малфой! Он здесь!

— Что? Он в Хогвартсе?

— Нет! Он здесь! На площади Гриммаулд-Плейс! Ты должен появиться здесь прямо сейчас!

* * *

Давным-давно у Котоне вошло в привычку сравнивать душу людей, которых она встречала, с каким-то животным... У рыжеволосых Ичирансей Сосэйдзи (5) была душа, похожая на пару игривых Кори(6). У пожилого человека было духовное сходство с обезьяной, он мог так же контролировать свой гнев и был столь же любопытным, но довольно жестоким, когда ему что-то угрожало. У матери девушки была душа Хайирогумы(7) — большого медведя, гризли-защитника. Целитель имел облик большого волка — заботливого духа, не терпящего глупостей.

Когда ее взгляд остановился на слабом, темном Шимиенджаккару(8) — абиссинском шакале, который корчился и рыдал на кровати в другом конце комнаты, Котоне не смогла сдержать вздох; внезапно она увидела большую черную змею, кусавшую и рвавшую на куски душу молодой девушки. Она была похожа на ту, которая обвивала ее Шиши... Она обеспокоенно переводила взгляд между своим Шиши и Джаккару и все больше замечала сходство между змеями; они были одинакового угольно-черного цвета, обе имели светящиеся красные глаза. Змея вокруг ее Шиши все еще была вялой и медлительной; видимо, она еще не до конца восстановилась после того, как Котоне в последний раз связала ее. Но змея вокруг Джаккару была гораздо более крупной; она рвала ее душу, так же, как это было и с Шиши, когда Котоне впервые увидела его.

Разглядывая Джаккару, Котоне увидела какую-то темную связь, каким-то неестественным образом образовавшуюся между ней и ее Шиши... Она увидела и две другие связи, исходящие от этой девушки. Они были тонкими, как ниточки, и тянулись в разных направлениях, но обе

были направлены на юг. Она также увидела красную, похожую на паутину сетку, опутавшую крошечными жилками всю душу этой девушки; она душила ее и высасывала ее сущность. Эта красная сеточка медленно убивала душу. Котоне понятия не имела, что это за паутина, но чувствовала, что ее нужно было удалить в самое ближайшее время, иначе она полностью поглотит Джаккару, и останется только змея. Котоне интуитивно понимала, что это будет ужасно.

Она оглядела все лица всех присутствующих в комнате — все смотрели на нее, и у большинства из них было выражение от легкого шока до откровенного ужаса. Но все эти люди беспокоились о Джаккару, это читалось в их глазах. Понимая, что она должна сделать, Котоне смиренно вздохнула и повернулась к Шиши, который опустил ее с рук на пол. Она медленно подошла к Джаккару, остановившись на полдороги из-за протеста Кумы(9), но затем все же дошла до кровати и опустилась на колени.

К счастью, глаза Джаккару были открыты, и это позволило ей установить между ними связь. Мгновенно Котоне почувствовала жгучую боль у себя в голове и поняла, что эта боль была лишь частью того, что испытывал Джаккару. Она не могла установить полную связь, но и этого было достаточно, чтобы начать снимать ее боль. Судя по прошлому опыту, она знала, что это будет неприятно для них обеих.

Она четко понимала, что их связь установлена не до конца. Не только потому, что она не могла общаться с Джаккару с помощью эмоций, но даже неприятное ощущение ускорения времени вокруг нее не казалось таким сильным, как обычно.

Как только связь была установлена, змея, казалось, почувствовала ее... Она вырвала клыки из Джаккару и сделала быстрый выпад на Котоне; та предвидела это и с легкостью справилась с ней. Как только змея была связана, Котоне сосредоточилась на непосредственной угрозе для души Джаккару — паутине, покрывавшей душу девушки. Ниточки этой паутины были застарелыми и глубоко укоренились на ее душе. Котоне потребовалась огромная концентрация, чтобы справиться с этим. Через несколько мгновений она поняла, что паутина исходит не из одной, а из пяти точек на теле девушки, что в пять раз усложняло задачу.

Она сконцентрировалась на одной из точек. Котоне определила центральную точку, из которой исходила эта красная паутина, и начала медленно мысленно сворачивать ее в клубок от центра горла девушки. Она была потрясена, увидев, что как только она свернула часть этой паутины в маленький комочек, из-под плоти девушки появилась новая паутина, которая тут же начала пульсировать... Из ее горла вырвалось расстроенное рычание, и она вновь она сосредоточилась на отрывании паутины и сворачивании ее нитей. Боль, которую чувствовала Котоне, начала окутывать ее.

После того, как паутина вновь была уничтожена, из-под кожи девушки появилась новая. Котоне задумалась, сколько же уровней паутины находится внутри Джаккары, и поняла, что ей нужно ускориться. Она знала, что еще не до конца оправилась после попытки спасти своего Шиши и что ее сила слишком быстро истощалась.

После десятой попытки одолеть эту паутину клубок связанных извивающихся ниточек был уже

размером с грейпфрут; он пульсировал у горла девушки, но все же появилась новая сетка. Котоне стало трудно видеть происходящее. Она почувствовала, как ее тело подергивается и содрогается от постоянно усиливающейся боли. Зная, что у нее нет сил для дальнейшей борьбы, она оттолкнула этот пульсирующий красный шар и увидела, как тело Джаккару расслабилось, и ее боль уменьшилась.

В тот момент, когда центральная паутина была отторжена, красные нити, исходящие из других пяти точек, исчезли, затем снова появились, а затем снова исчезли. Когда симбиоз между различными источниками этой паутины был нарушен, они начали постепенно исчезать, пока не остались только те, которые она не успела удалить; но уже было заметно, что душа девушки начала понемногу восстанавливаться.

Теперь она почувствовала, как их связь укрепляется, а окружающий мир вокруг нее замедляется и почти полностью остановился. Она знала, что для нее нехорошо так часто устанавливать связь с другими. Ее мать неоднократно предупреждала ее последствиях, к которым это может привести. Но Котоне постоянно испытывала дискомфорт и смущение из-за своего ужасного голоса, и ей казалось, что у нее просто нет другого выбора. Были бы Шиши и Ваши так добры к ней, если бы она не использовала связь с ними при первой встрече? А может, она до сих пор бы была одинокой, и у нее не было бы ни одного друга? Да и вообще, осталась бы она жива, если бы отпугнула своего Шиши? А вдруг бы он не пришел к ней в приют, чтобы помочь?

Она отогнала эти мысли, осознав, что только зря тратит драгоценное время... Из последних сил она проникла в разум Джаккару и обнаружила, что та стоит в глубоком тумане и растерянно смотрит вперед. Котоне чувствовала, что девушка скрывает какую-то страшную тайну. Ей казалось, что Джаккару отчаянно скрывает какой-то постыдный поступок от своей семьи и друзей. Не в силах скрыть неодобрение в голосе, она позвала девушку. Как только Котоне почувствовала, что Джаккару теперь в безопасности, она сузила глаза в знак предупреждения и мысленно сообщила ей, что есть люди, ожидающие от нее ответов, когда она проснется.

Котоне смотрела, как Джаккару засыпает, прежде чем почувствовала полное собственное истощение; юная ведьма погрузилась во тьму...

Через несколько часов Котоне, вздрогнув, проснулась, на мгновение она почувствовала себя дезориентированной, но узнала комнату, в которой находилась накануне вечером. Котоне проснулась, чувствуя себя гораздо более истощенной, чем обычно. Она не ощущала подобного с тех самых пор, как пыталась спасти своих родителей, как она спасала своего Шиши, а вот теперь и Джаккару.

Котоне знала, что ей понадобится много времени, чтобы прийти в себя. А сейчас ей нужно было восстановить свои силы очень быстро. Она устала на пустой белый потолок и позволила своему телу «ускориться». Она наблюдала, как мерцание пламени свечей, висящих на стенах, пугающе медленно танцует вокруг фитилей. По предыдущему опыту она знала, что не сможет двигаться, а сможет лишь очень медленно говорить почти не шевелящимися

губами, так, чтобы ее хоть как-то понимали окружающие.

Ей хотелось растянуться и лежать неподвижно. Она знала, как медленно растёт ее тело с течением времени. Она знала и то, что потребуется еще двадцать лет, а может, даже и больше, чтобы ее тело до конца созрело. Котоне знала, что в этом виноваты гены Они — она созревала гораздо медленнее, чем обычные люди. Она мысленно вздохнула, думая о своем постыдном секрете и задаваясь вопросом, как долго она еще сможет хранить его в тайне. Никто, кроме ближайших родственников Котоне, об этом не знал, ни хакубо Мотоко, ни кто-то в приюте, никто... Поймет ли Шиши, если она ему все расскажет?

При этой мысли она внутренне рассмеялась. Для него она была крохотной десятилетней девочкой. Она никогда не говорила ему, что из-за своих особенностей развития лишь выглядела на десять лет, а на самом деле ей уже шестнадцать или даже семнадцать. Она знала, что выглядела еще младше, чем должна выглядеть десятилетняя девочка. Даже без рогов, ушей и хвоста она все равно выглядела бы как несформировавшийся маленький уродец. Чертова кровь Они!

Она снова вспомнила вчерашний день. Шиши не только пообещал снова сделать ее частью семьи, но и называл ее «одной красивой маленькой ведьмой»... Если бы он только знал, что для нее значили эти слова! Котоне знала, что она далеко не «красивая». Все, кто видел ее, всю жизнь называли ее отвратительной, и она привыкла считать себя такой. Даже Шиши, когда впервые увидел ее в приюте, на мгновение съёжился, но потом очень быстро пришел в себя.

Она вздохнула и усилием воли выбросила все дурные мысли из головы; Котоне решила использовать время, пока она восстанавливалась, чтобы подтянуть английский язык. Обдумывать в голове синтаксис и произношение было не очень эффективно, ведь ее никто не поправлял; но ей нужно было попробовать. В конце концов, она в ближайшее время не вернется в Японию, и если она собиралась жить и ходить в школу в западном мире, то ей придется подготовиться как можно лучше.

Ей казалось, что прошло уже более двух дней, хотя на самом деле прошло всего лишь два часа. Она вышла из «транса», в который сама себя погрузила, и вылезла из постели. Она мельком взглянула на спящую на соседней кровати ведьму и направилась к двери. Увидев, что обитатели лазарета спят, она пересекла палату и выскользнула в холл. Если повезет, она найдет несколько мышей или, может быть, большую сочную крысу по пути в комнату Шиши. Она была ужасно голодна.